

Глава 21. Влюблённые

Со стороны казалось, будто Чу Вэй, находясь в воздухе, отшвырнул от себя Чжао Кэ, ослабив при этом силу броска и направив её прямо в стог сена.

Сам же он камнем рухнул вниз, приземлившись на спину и прокатившись по траве пару раз.

Но глазам Чу Вэя предстала иная картина: это Учитель одним движением выбил девушку из его рук, а затем, обхватив его, плавно опустился на землю, использовав собственное тело как подушку и создав вокруг них барьер из духовной энергии.

Чу Вэй поспешно поднялся и, глядя на высокого мужчину перед собой, застыл в изумлении.

Незнакомец был намного выше его. Длинное тёмное одеяние облегло стройную фигуру, спина была идеально прямой, а длинные, до пояса, волосы рассыпались по плечам. От всего его облика веяло неприступной аурой, отпугивающей посторонних.

Одного лишь взгляда на его спину хватило, чтобы Чу Вэй замер, не в силах сдвинуться с места.

Он впервые видел своего Учителя. За десять с лишним лет общения этот мужчина стал самым важным человеком в его жизни.

И вот теперь он наконец-то его увидел.

Чу Вэй чувствовал, как его сердце бешено колотится, вырываясь из-под контроля. Грудь словно распирало изнутри, будто что-то неудержимое готово было вырваться наружу.

Это и был его Учитель. Тот, кого он так жаждал увидеть.

Чу Вэй хотел было подойти поближе, чтобы рассмотреть его как следует, но не успел он сделать и двух шагов, как в уши ворвался оглушительный шум.

— Чу Вэй, ты в порядке?

— Чу Вэй, как ты? Быстрее, звоните в скорую, чего застыли?

— Чу Вэй, скажи хоть слово! Ты не ранен?

В мгновение ока его окружила толпа, плотно сомкнув кольцо.

Люди не видели Учителя и не понимали, почему Чу Вэй застыл на месте. Они решили, что это последствие падения с высоты, и с тревогой смотрели на него.

Чу Вэй поднял голову и сквозь толпу посмотрел на Учителя.

Тот лишь холодно хмыкнул, бросил на него короткий взгляд искоса и исчез.

Сердце Чу Вэя ёкнуло.

«Кажется, Учитель рассердился».

Когда Учитель исчез, взгляд Чу Вэя вернулся к окружавшим его людям. Только сейчас он осознал, что вокруг него собралась целая толпа. Все с беспокойством смотрели на него, осматривая с ног до головы.

Воздуха почти не хватало.

Чу Вэй стряхнул с себя прилипшие травинки и грязь и спокойно произнёс:

— Я в порядке. Посмотрите лучше, как там Чжао Кэ.

— Ты уверен, что в порядке? Это же четвёртый этаж! Невозможно не получить ни царапины.

— Чу Вэй, если тебе плохо, обязательно скажи. Не терпи.

— Голова не кружится?

Все наперебой заговорили, создавая невообразимый гвалт.

Видя, что ему не верят, Чу Вэй не стал ничего объяснять, а просто растолкал толпу и направился к Чжао Кэ.

Когда все увидели, что он идёт совершенно свободно, им показалось, что мир сошёл с ума.

Вокруг Чжао Кэ тоже собралось много людей.

Классная руководительница Цзи Сюэпин крепко обнимала девушку, пытаясь её успокоить.

Чу Вэй хотел подойти, но тут его слуха достиг громогласный мужской крик.

— Ах ты, дрянная девчонка! Теперь вздумала угрожать мне, с крыши прыгая? Я тебя растил, кормил, поил, и вот твоя благодарность? Совсем совести нет?!

Пятидесятилетний мужчина, от которого разило спиртным, ворвался в толпу и тут же набросился на Чжао Кэ с бранью.

— Умереть захотела? Сначала верни все деньги, что я на тебя потратил за эти годы, неблагодарная тварь!

Женщина средних лет пыталась его утихомирить:

— Перестань, здесь столько людей. Давай сначала заберём Кэ́э́ домой, там и поговорим.

Мужчина грубо оттолкнул её, не слушая уговоров. Он пошатнулся на нетвёрдых ногах и тут же набросился на жену:

— Домой? Какой ещё домой? Она смерти не боится, чего ей ещё бояться? Отправить её к господину Цзяну, и пусть с этого дня она нам больше не дочь!

Если до этого момента ученики и не понимали, почему Чжао Кэ решила прыгнуть, то теперь эти несколько фраз заставили их сердца содрогнуться.

Трудно было представить, что переживала эта несовершеннолетняя девушка в своей семье.

— Это уже слишком! Разве так говорит отец?

— Она же не просила тебя её рожать! А раз родил, почему нормально не воспитываешь? Это твоя вина!

— По-моему, он и не человек вовсе.

— Вы оба не достойны называться родителями! Если продолжите в том же духе, мы вызовем полицию!

Окружающие ученики вступились за Чжао Кэ.

Хотя их семьи тоже не были богаты, но по крайней мере, им не достались такие звери-родители.

Цзи Сюэпин, прижимая к себе голову Чжао Кэ, со слезами на глазах посмотрела на её родителей.

— Уходите, если хотите. Сейчас учебное время, она с вами не пойдёт.

Пьяный мужчина не обратил на слова окружающих никакого внимания. Пошатываясь, он двинулся вперёд, осыпая бранью не только Чжао Кэ, но и всех, кто стоял рядом.

— Я её родил, я её вырастил! Что хочу, то и делаю! Не ваше собачье дело!

— Сегодня же ты пойдёшь со мной! Никакой учёбы! На что она вообще нужна? Столько денег на тебя впустую потратил!

Цзи Сюэпин вскинула голову и гневно крикнула:

— Чушь собачья! Чжао Кэ учится на школьную стипендию! Во время каникул она сама подрабатывает на жизнь, да ещё и вам помогает! Сколько денег она могла у вас потратить? Как на свете может существовать такой отец, как вы!

Мужчина, видя, что слова не действуют, решил применить силу и попытался вырвать дочь.

Стоявшие впереди ученики тут же образовали живую стену. Высокие парни вышли вперёд, загородив собой обзор.

Мужчина попытался их оттолкнуть, но вдруг чья-то рука, появившаяся сбоку, крепко схватила его. Рука была тонкой и бледной, казалось, её можно сломать одним движением.

Но, несмотря на свою хрупкость, хватка оказалась невероятно сильной. Как бы он ни пытался вырваться, у него ничего не получалось.

— Какого чёрта? Кто ты такой? Отпусти! — выругался мужчина и, обернувшись, встретился взглядом с Чу Вэем. Слова застряли у него в горле.

Он был пьян, и зрение его подводило. На первый взгляд ему показалось, что перед ним невероятно красивая девушка.

— Быстро... быстро отпусти! Не думай, что я женщину не ударю!

«Женщину...»

Чу Вэй холодно усмехнулся и, всё ещё удерживая его руку, резким движением швырнул его в воздух. Мужчина с глухим стуком рухнул на землю.

Сила броска была поразительной.

Все ошеломлённо смотрели на происходящее, думая, что у них галлюцинации.

Мужчина после падения почувствовал, как всё тело пронзила боль, а в голове помутилось.

Стоявшая рядом женщина испугалась и закричала во весь голос:

— Убивают! Люди, смотрите, убивают!

Но это было ещё не всё. Чу Вэй, хрустнув шеей, подошёл к нему и наступил ногой на грудь.

— Попробуй ударь.

Вокруг стояли ученики, учителя, даже директор, прибежавший на шум, но никто не проронил ни слова. Все молча наблюдали за действиями Чу Вэя.

Женщина продолжала вопить:

— Беспредел! Убивают, а вы все молчите?

— Так ему и надо! — раздался чей-то голос из толпы.

— Если бы за убийство не сажали, я бы, наверное, сам не сдержался.

— За такого, как ты, и побои — это слишком мягко.

— Закон? А вы сами-то о законе помните?

Толпа гудела, но все без исключения осуждали и ругали его.

Такой подонок не заслуживал быть ни отцом, ни человеком.

Чу Вэй убрал ногу и, стряхивая с рук несуществующую пыль, небрежно бросил:

— Ещё не ушёл? Ждёшь, чтобы я тебя проводил?

Мужчина, держась за грудь, с трудом поднялся.

— Вы ещё пожалеете! Ударили меня! Я вам это так не оставлю!

В этот момент снаружи послышались звуки полицейской сирены и скорой помощи.

Мужчина, который уже собирался уходить, вдруг остановился. В его глазах мелькнул хитрый огонёк.

— А вот и полиция! Очень вовремя! Я заявляю, что меня избили! Это противозаконно! Вы должны мне заплатить, иначе я это дело так не оставлю!

Чу Вэй ничуть не испугался и холодно усмехнулся.

— Можешь попробовать.

— Кто кого избил? Мы ничего не видели.

— Точно, ты просто шёл, не смотрел под ноги и упал, а теперь валишь на других.

— Мы все видели, что ты сам себя покалечил.

Ученики один за другим стали заступаться за Чу Вэя.

Видя, что его план провалился, мужчина перевёл взгляд на Чжао Кэ. Его глаза метали молнии.

— Ах ты, маленькая дрянь! Можешь хоть всю жизнь в школе просидеть! Но если посмеешь вернуться домой, я тебе ноги перелломаю!

С этими словами он, бормоча проклятия, ушёл.

Все повернулись к Чжао Кэ. Девушка, прислонившись к Цзи Сюэпин, беззвучно плакала.

Прибывшая полиция ознакомилась с ситуацией. Узнав, что прыгнувшую с крыши девушку благополучно спасли, они стали расспрашивать о подробностях.

Услышав, что один из учеников смог безопасно сбросить её вниз, полицейский подумал, что учитель шутит, и строго заметил, что это не та тема, над которой можно смеяться.

Но такова была реальность. Сколько бы учитель ни повторял, полицейский не верил.

Это был четвёртый этаж, высота более десяти метров. Выжить после такого падения — уже чудо. А чтобы кто-то смог в воздухе безопасно отбросить человека в сторону...

Это просто противоречило законам физики и было невозможно.

Однако полицейский опросил нескольких учителей и учеников, и все в один голос серьёзно утверждали одно и то же.

В тот момент все были в панике, и даже учителя не успели ничего снять на видео, так что доказательств не было.

Если бы это сказал один человек, можно было бы списать на ложь, но когда все говорят одно и то же, остаётся только один вариант — это правда.

Это вызвало у полицейского любопытство к этому ученику.

К сожалению, Чу Вэя на месте не оказалось. Когда приехала скорая, классная руководительница силой усадила его в машину, чтобы он тоже прошёл обследование и убедился в отсутствии травм.

Прождав некоторое время, полицейские так и не дождались его и, получив новый вызов, уехали, упустив возможность познакомиться с Чу Вэем.

Их повезли не в уездную больницу, а в городскую, до которой было больше часа езды.

Цзи Сюэпин беспокоилась за них обоих и поехала с ними вместе с другим учителем. Зная об их тяжёлом финансовом положении, она была готова оплатить все медицинские расходы из своего кармана.

Эмоциональное состояние Чжао Кэ было нестабильным, и её нельзя было оставлять одну, поэтому оба учителя остались с ней. Чу Вэй вызвался сам постоять в очереди в регистратуру и решить все организационные вопросы.

Все расходы он оплатил сам.

Обследований было много, и когда всё закончилось, на улице уже стемнело.

Результаты были очевидны: ни у кого из них не было никаких внешних повреждений, даже царапин.

Однако у Чжао Кэ обнаружилось серьёзные психологические проблемы. После обследования ей поставили диагноз — депрессия средней тяжести.

Причин для депрессии могло быть множество: семья, окружение, характер.

Несомненно, депрессия Чжао Кэ была вызвана её семьёй.

Выросши в такой обстановке, даже человек с самой сильной психикой мог сломаться.

Хуже всего было то, что она не хотела сотрудничать с врачами.

На все вопросы она отвечала молчанием, её отношение было пассивным, а в глазах не было ни искорки света.

Цзи Сюэпин, ничего не добившись, решила сначала отвезти их обратно в школу.

Чжао Кэ не жила в общежитии, и возвращаться домой для неё было опасно. Классная руководительница забрала девушку к себе домой, чтобы присмотреть за ней.

Перед уходом Чу Вэй незаметно начертал на Чжао Кэ защитный талисман и отправился в своё общежитие.

***

По дороге он свернул и, перебравшись через забор, покинул территорию школы.

Весь день вокруг него были люди, и у него не было возможности поговорить с Учителем.

Его образ и выражение лица не выходили у Чу Вэя из головы. Он знал, что Учитель рассердился, но не мог найти момента для объяснений.

Учитель редко сердился, но когда это случалось, Чу Вэю становилось очень тяжело.

Так тяжело, будто что-то сжимало его сердце, и он не мог радоваться.

Чу Вэй никогда не задумывался, что это за чувство. Он знал лишь одно: Учитель — самый важный человек в его жизни.

Рядом со школой был небольшой пустынный парк. Он был старым и заброшенным, поэтому туда почти никто не ходил.

В парке было искусственное озеро, вода в котором давно зацвела и издавала неприятный запах, что ещё больше отпугивало посетителей.

Чу Вэй добежал до парка, остановился и начал звать:

— Учитель, вы здесь? Учитель, пожалуйста, покажитесь!

Его голос эхом разносился по пустому парку.

Но вокруг было тихо, ни звука.

Чу Вэй не знал, слышит ли его Учитель, но ему нужно было объясниться.

— Я знаю, Учитель рассердился. Рассердился, что я рисковал собой, что полез на рожон, что не берёг себя. Но тогда была очень опасная ситуация. Если бы я её не удержал, та девушка точно бы погибла.

— Её жизненный путь ещё не окончен, ей суждено встретить благодетеля и в будущем принести пользу обществу. Я не действовал безрассудно.

— Учитель, пожалуйста, покажитесь! Я знаю, что был неправ. В следующий раз я не буду таким импульсивным.

Чу Вэй говорил до тех пор, пока у него не пересохло во рту, но Учитель так и не появился.

Он не знал, то ли его здесь нет, то ли он просто не хочет показываться.

Чу Вэй опустился на старую, потрескавшуюся скамейку. Ему было невыносимо тяжело, словно чья-то рука сжимала его сердце, отчего было больно даже дышать.

«Почему Учитель меня игнорирует?»

Оглядываясь назад, он понимал, что его поступок был действительно импульсивным. Даже обладая некоторыми способностями, отличающими его от обычных людей, он не должен был так безрассудно рисковать, полагаясь на свои скромные силы.

Учитель был прав, что рассердился. Это была его вина.

Чу Вэй всё обдумал, но Учитель по-прежнему его игнорировал.

Он долго сидел на скамейке, очень долго ждал.

Тёмный ночной парк выглядел довольно жутко. Нормальный человек не осмелился бы здесь находиться, особенно в такое время.

Пока Чу Вэй предавался унынию, слышался какой-то шорох.

— Тише, посмотри, есть кто-нибудь?

— Да никого здесь нет. Это заброшенный парк, кто сюда пойдёт в такую темень? Быстрее, милая.

— Ах ты, нетерпеливый! Тут грязно, подстели сначала одежду.

— Зачем стелить? И так сойдёт. Я так по тебе соскучился.

Мужской и женский голоса раздавались из-за деревьев, совсем рядом с Чу Вэем.

«Что они тут делают в такой час? Какие смелые».

Из чистого любопытства Чу Вэй поднялся со скамейки и бесшумно подошёл поближе.

Темнота не была для него помехой. Даже без света он мог всё отчётливо видеть.

Поэтому, обогнув дерево и подняв голову, он увидел обнимающуюся парочку.

Он даже мог разглядеть одежду, в которую они были одеты.

К его удивлению, мужчина начал снимать с неё одежду...

«Что они... делают?»

В тот момент Чу Вэй почувствовал, что на это не следует смотреть. Какое-то неконтролируемое чувство заставило его сердце забиться чаще, а щёки — покраснеть.

Но любопытство было слишком сильным. Ему не терпелось узнать, что же произойдёт дальше.

Пока он колебался, перед его глазами внезапно всё потемнело. Что-то закрыло ему обзор.

Нос уловил аромат древесных листьев и цветов.

Низкий голос тихо прозвучал у самого уха:

— Детям на такое смотреть не следует.

Чу Вэй обрадовался. Это был Учитель.

Учитель наконец-то появился.

«Но почему мне нельзя смотреть? Это что-то неприличное?»

Мастер Чу из глухой деревни был полностью поглощён учёбой и самосовершенствованием. Все свои силы он тратил на это, поэтому мир взрослых был ему незнаком, и никто никогда не просвещал его на этот счёт.

Впервые столкнувшись с подобным, он, конечно же, сгорал от любопытства.

Но рука перед ним надёжно закрывала ему глаза, а Учитель даже заблокировал его слух духовной силой.

Затем он почувствовал, как вокруг поднялся ветер.

Внезапный порыв ветра заставил листья на деревьях зашелестеть, и к этому звуку примешался леденящий душу вой.

И без того жуткий старый парк стал ещё более пугающим.

Парочка, уже вошедшая во вкус, от внезапного порыва холодного ветра остановилась.

— Что это за звук? Так страшно! И ветер этот странный.

Женщина испугалась и с подозрением огляделась по сторонам.

— Да это просто ветер. Давай продолжим, только побыстрее.

Мужчина, казалось, не придавал этому значения и, помедлив мгновение, продолжил своё дело.

Но ветер вокруг стал ещё сильнее, яростно завывая и раскачивая деревья.

— Пойдём отсюда. Говорят, здесь водятся призраки. Скорее, пойдём!

Женщина, испугавшись, натянула одежду и бросилась бежать.

Мужчина, тоже почувствовав тревогу, побежал за ней.

Как только они ушли, завывавший ветер постепенно утих. Парк, усыпанный опавшими листьями, снова погрузился в тишину и спокойствие.

Только тогда Учитель снял блокировку с его ушей и убрал руку, закрывавшую ему глаза.

Чу Вэй снова открыл глаза. Он нетерпеливо обернулся и, подняв голову, замер.

Луна сегодня светила неярко, но Чу Вэй отчётливо видел лицо Учителя.

Он много раз представлял себе, как выглядит Учитель. Может, это седовласый старец или мудрый даос.

Ведь Учитель сам говорил, что он — древний предок, значит, он должен быть немолодым.

Но увидев его, он понял, что Учитель должен выглядеть именно так.

Он был самым красивым мужчиной, которого Чу Вэй когда-либо видел.

Глубокие глаза сияли, прямой нос, тонкие губы — каждая черта была настолько совершенна, что от него невозможно было отвести взгляд.

Чу Вэй просто ошеломлённо смотрел на Учителя, не в силах вымолвить ни слова.

Хуа Жун посмотрел на своего глупого ученика и, подумав, что тот всё ещё размышляет об увиденном, не удержался и потрепал его по голове.

— О чём задумался?

Хотя Учитель и не имел физического тела, его прикосновение было вполне ощутимым.

— Учитель такой красивый, что я засмотрелся, — не удержался Чу Вэй.

Хуа Жун убрал руку и бесстрастно посмотрел на него.

— Где ты нахватался таких слов?

— Это от чистого сердца, — искренне ответил Чу Вэй. — Учитель, вы правда самый красивый человек, которого я когда-либо видел.

Хуа Жун посмотрел на юношу. Тот, похоже, совершенно не осознавал своей собственной привлекательности. Да и кто мог сравниться с ним в красоте?

Вспомнив, как Учитель закрывал ему глаза, Чу Вэй спросил:

— Учитель, а что та парочка делала? Почему вы не дали мне посмотреть?

Выражение лица Чу Вэй было исполнено любопытства, как и всегда, когда он сталкивался с чем-то непонятным и обращался к Учителю, как к всезнающему мудрецу.

Он, ничуть не смущаясь, задал свой вопрос, словно любопытный ребёнок.

Хуа Жун опустил взгляд на юношу, его глаза потемнели, в них отразилась невыразимая, сложная эмоция.

— Ты действительно хочешь знать? — тихо спросил он.

— Просто любопытно, — ответил Чу Вэй.

Что такого он не мог видеть?

Хуа Жун смотрел на юношу и, казалось, хотел что-то сказать, но в итоге проглотил слова.

— Со временем ты сам всё узнаешь, — лишь бросил он.

Чу Вэй хотел было расспросить его дальше, но Учитель сменил тему и небрежно спросил:

— Как та девушка, которую ты сегодня спас?

Увидев, что Учитель сменил тему, Чу Вэй понял, что тот почти остыл.

Он не заметил, как Учитель отвёл взгляд, и честно ответил:

— Учитель Цзи забрала её к себе. И спасибо вам, Учитель, она совсем не пострадала. Но у неё есть психологические проблемы, которые так быстро не решить.

— М-м-м, — протянул Хуа Жун. — А как она тебе?

Чу Вэй растерялся:

— В смысле, как?

Хуа Жун посмотрел на этого недотёпу и мысленно усмехнулся.

«И о чём я только спрашиваю? Этот дурачок, похоже, до сих пор не понимает, насколько он популярен в школе и сколько девичьих сердец тайно по нему вздыхает. Раз уж он ещё не разобрался в амурных делах, то и нет нужды его просвещать».

— Ничего, — покачал головой Хуа Жун. — Тебе пора возвращаться и отдыхать.

«С утра поехал на поезде, весь день на ногах, не успел отдохнуть, как тут же пришлось применять гипноз, спасти девушку, ехать в больницу на обследование. А теперь ещё и торчит здесь, глупый, пытаюсь объясниться из-за пустяков».

Этот недотёпа... и ругать его не хотелось, и жалко было.

Чу Вэй не уходил.

— Учитель, вы ещё сердитесь? — серьёзно спросил он.

Если да, то он был готов объясняться дальше.

Даже если Хуа Жун и злился, сейчас он уже не мог этого показать.

— Если боишься, что я рассержусь, то просто поменьше делай того, что меня злит. Иди спать.

Услышав этот ответ, Чу Вэй наконец-то расслабился.

Раз Учитель так говорит, значит, он больше не сердится.

Он улыбнулся, не в силах сдержать радости.

Если бы кто-то из школы увидел эту улыбку, то долго бы ещё это обсуждал, ведь обычно он почти никогда не улыбался.

Высокомерный гений в присутствии Учителя превращался в обычного юношу.

Учитель больше не злился, и тяжесть с души Чу Вэя спала. Дорога назад казалась весёлой.

Он ловко перелез через школьный забор и, не пользуясь лестницей, взобрался по внешней стене здания в общежитие.

Хорошо, что в школе не было камер наблюдения, иначе ему бы пришлось долго оправдываться.

Была глубокая ночь, в общежитии царил темнота, все спали. Чу Вэй на цыпочках тихо вернулся в свою комнату.

Но как только он открыл дверь, раздался недовольный, призрачный голос:

— Если бы ты не вернулся, я бы уже, наверное, заявил о пропаже человека.

Хуа Хайцзюнь просидел в туалете полчаса, придумывая идеальное оправдание. Он уже собирался всё объяснить Чу Вэю, но, выйдя, обнаружил, что комната пуста. Не было ни души, ни даже волоска.

Он был в растерянности, когда услышал со стороны учебного корпуса вой сирен полиции и скорой помощи. Только тогда он понял, что в школе что-то случилось.

Когда он добежал до учебного корпуса, чтобы найти Чу Вэя, тот уже уехал на скорой в больницу.

Просидев в классе весь день, Хуа Хайцзюнь наслушался от одноклассников бесчисленных версий героического спасения.

Кто-то даже сочинил по этому поводу стих:

Бесстрашно прыгнул с высоты,

Чжао Кэ отбросил силой ты,

Злодея словом поразил,

И кулаком его сразил.

Без ран, без травм — вот это да!

Чу Вэй из Первой — навсегда!

Выслушав всё это, Хуа Хайцзюнь пришёл лишь к одной мысли: дядя отправил его сюда, чтобы

его унижали, или чтобы его унижали?

Такому сильному человеку, как он, нужна была его защита?

Прождав в классе весь день и не дождавшись его, он вернулся в общежитие и продолжил ждать.

Вечерние занятия закончились, все вернулись в свои комнаты, свет погас, а Чу Вэя всё не было.

Хуа Хайцзюнь и сам не понимал, чего ждёт, но какое-то упрямство заставляло его сидеть и дожидаться, чтобы выяснить всё лицом к лицу.

Откуда его дядя знает такого человека? Что их связывает?

Так он прождал до глубокой ночи и уже начал засыпать, когда дверь наконец-то открылась.

Чу Вэй не ожидал, что тот ещё не спит, и небрежно бросил:

— Настроение было плохое, вот и прогулялся по школе.

— Почему это у тебя настроение плохое?

Хуа Хайцзюнь не мог этого понять. Даже в темноте он слышал в его голосе радостные нотки.

И это он называет плохим настроением? Да кто в это поверит!

— У меня плохое настроение, я что, должен тебе отчитываться?

Чу Вэй взял одежду, чтобы пойти в душ, но, дойдя до ванной, вспомнил, что все эти вещи в комнате куплены на деньги этого парня, а он ему ещё не заплатил.

Он остановился и достал телефон.

— Какой у тебя номер счёта? Я переведу тебе деньги.

Хуа Хайцзюнь ещё не отошёл от темы с настроением, а тот уже переключился на деньги.

— Какие деньги?

— За вещи в этой комнате, — ответил Чу Вэй. — Я тоже ими пользуюсь. Я же сказал, что верну тебе деньги.

Хуа Хайцзюнь с самого начала не собирался брать с него денег, но выражение лица Чу Вэя было слишком серьёзным. Под его настойчивыми уговорами он достал свой телефон.

Но когда он посмотрел на телефон Чу Вэя, то замер от удивления.

Хотя в комнате было темно, света от экрана было достаточно, чтобы всё рассмотреть.

Этот телефон был последней модели, не только дорогой, но и выпущенный ограниченным тиражом. На рынке их было очень мало. Он и сам хотел себе такой, но из-за ограниченного количества не успел купить.

Но самое главное, телефон в руках Чу Вэя был одним из пары эксклюзивной лимитированной серии для влюблённых. Он был очень редким, с особым рисунком на задней панели и корпусом ручной работы, который невозможно было купить.

Другой телефон из этой пары он видел у своего дяди, тот даже прикоснуться к нему не давал.

Это открытие повергло Хуа Хайцзюня в шок.

«Что... это значит?»

— Быстрее, — поторопил его Чу Вэй, — я устал, спать хочу.

Хуа Хайцзюнь, словно робот, достал телефон, открыл QR-код и поднёс его к Чу Вэю.

Чу Вэй был измотан и хотел спать. Он совершенно не заметил выражения лица Хуа Хайцзюня и, переведя деньги, ушёл в душ.

Оставив Хуа Хайцзюня одного в темноте.

Молодой господин Хуа был не Чу Вэй. Он вырос в Цзинду, в окружении богатых наследников и наследниц, блистательных и утончённых.

В кругу богатых было слишком много развлечений.

То, что можно было выставить напоказ, и то, о чём нельзя было говорить открыто. Мужчины, женщины... всё было слишком запутанно и грязно.

Хуа Хайцзюнь с детства знал об этом.

Хотя он и был плохим учеником и не отличался примерным поведением, в отношениях с противоположным полом он был на удивление консервативен.

Наверное, это было влияние семьи. Его отец был женат всего один раз и дома был настоящим подкаблучником. Поэтому в его представлении женщина, с которой он мог бы быть, должна была быть особенной, той, ради которой он был бы готов на всё.

И человек, с которым он бы использовал парные вещи, должен был быть тем, с кем он хотел бы провести всю жизнь.

Но то, что он увидел сейчас, повергло его в шок.

Хуа Хайцзюнь открыл чат с дядей в Вилиао.

Он несколько раз набирал сообщение и тут же стирал его.

В конце концов он отправил лишь одну строчку.

«Дядя, я видел телефон Чу Вэя».

Была глубокая ночь, и Хуа Хайцзюнь не ожидал ответа. Он отправил это сообщение, чтобы хоть как-то прояснить для себя ситуацию.

Если бы он не спросил, то, наверное, не смог бы заснуть всю ночь.

Но, к его удивлению, дядя не спал и ответил мгновенно.

«Некрасивый?»

Хуа Хайцзюнь: «...»

Разве дело в красоте? Разве об этом он спрашивал?

Он стиснул зубы и набрал ещё одно сообщение.

«Я видел, что у тебя такой же телефон».

Уж это-то должно быть понятно.

Неужели он не объяснит, почему так?

В следующую секунду пришёл ответ.

«Лимитированная парная серия. Всего один комплект. Что тут непонятного?»

Хуа Хайцзюнь несколько раз перечитал это короткое сообщение, чтобы убедиться, что ничего не упустил.

Но это была всего одна фраза, как можно было что-то упустить?

В тот момент ему показалось, будто в его голову ударила молния.

Хуа Хайцзюнь застыл на месте, не в силах пошевелиться.

Из Вилёя пришло ещё одно сообщение.

«Если хочешь что-то узнать, спрашивай прямо у меня. Не смей ничего говорить Чу Вэю».

«Конец. Дядя, оказывается, безответно влюблён».

«Неужели ему теперь придётся называть Чу Вэя тётушкой?»

От одной этой мысли ему стало не по себе. Хуа Хайцзюнь молча убрал телефон и, забравшись под одеяло, лёг.

Он ничего не хотел ни слышать, ни спрашивать.

Это, должно быть, сон. Когда он проснётся, то поймёт, что всё это ему просто привиделось.

Выйдя из душа, Чу Вэй лёг на кровать, положил телефон рядом с подушкой, закрыл глаза и погрузился в глубокий сон.

***

На следующее утро Хуа Хайцзюня разбудил толчок. Он, протирая сонные глаза, посмотрел на телефон. Шесть утра — самое время для сна.

Но его сосед по комнате, очевидно, так не считал.

Чу Вэй был одет в спортивный костюм и, похоже, только что вернулся с улицы.

— Быстро вставай. Скоро утренняя пробежка.

Хуа Хайцзюнь считал, что вставать в шесть утра — это не по-человечески. А ещё и бегать... Он, молодой господин, уже много лет не бегал.

— Я не пойду, иди сам. Я ещё посплю.

Но Чу Вэй не собирался его отпускать.

— Если не встанешь, я переверну кровать. Раз уж приехал учиться, нужно ценить время. Утро — лучшее время дня, а не для того, чтобы его просыпать.

Хуа Хайцзюнь был ещё сонным и не поверил словам Чу Вэя. Он снова накрылся одеялом с головой и засопел.

«Кто хочет, тот пусть и встаёт. Я точно не встану. Ни за что в жизни».

— Сможешь — переверни.

В следующую секунду он ощутил потерю опоры. Ему показалось, будто он парит в воздухе. Утренний ветерок ударил в лицо, мгновенно сгоняя остатки сна.

Он резко открыл глаза и увидел здание за дверью общежития.

Хуа Хайцзюнь опустил голову и понял, что он вместе с кроватью висит на балконе. Ещё одно движение — и он может упасть.

Сон как рукой сняло. Впервые в жизни почувствовав угрозу для своей жизни, Хуа Хайцзюнь закричал:

— Тётушка, я был неправ! Я сейчас же встану, хорошо?